

ПОКА НЕ ИСПОЛНИТСЯ ВСЕ

Всем, кто ищет свою звезду...

Глава 1. Искорка

Искорка летела в потоке света с важным поручением. Быть курьером не так уж и трудно, особенно если знаешь, что скоро тебя ждет повышение. Карьерный рост маленькую Искорку не особенно волновал, но сама идея – стать нечто большим, чем просто светящаяся точка, – была приятной и грела ее крохотные лучики. Ей предстояло выполнить последнее задание и завтра приступить к новым обязанностям.

Дорога все дальше вводила посланницу от солнца. Постепенно краски мира тускнели, и вот уже свет, некогда лившийся со всех сторон, рассеялся в сплошной серой дымке. Теперь только радужные лучики посланницы оживляли пейзаж. Остановившись у черного тоннеля, Искорка уверенно назвала имя адресата. Вихрь тотчас подхватил дитя Света и, быстро кружа, понес в свою глубину. Разглядеть что-либо в кромешной темноте было совершенно невозможно, да Искорка и не пыталась. Она просто замерла и ждала прибытия на место.

В этот раз ей поручили встретиться с Аморфо. Искорка и раньше доставляла темным творцам сообщения от Создателя. От нее требовалось передать информацию и получить ответ, при необходимости можно было поддержать беседу. Кроха никогда не видела Аморфо, но слышала, что та когда-то была близка к Свету, однако пожелала сверкать ярче всех и отошла от Создателя. Ее пытались вернуть, но все было тщетно, потому что она сама захотела стать создателем.

«Аморфо всегда общалась с Небом только через своих слуг, поэтому никто толком не знает, как она выглядит», – размышляла посланница о предстоящей встрече. «Пожирательница зародышей Света» – так называли Аморфо. Что это значит, Искорка не вполне понимала, слышала лишь, что это существо непредсказуемое, обладающее силой, хитростью и коварством, словом, воплощение Тьмы. Эта личность одновременно и пугала, и вызывала у нее интерес.

Движение в вихре закончилось. Искорка еще какое-то время покрутилась по инерции и вылетела на открытое пространство. Увиденное

ошеломило ее: изящная архитектура и пышная растительность, среди которых жили высшие чины темных сил, здесь полностью отсутствовали. Перед Искоркой расстилалась голая равнина, а вдалеке виднелось какое-то сооружение. Подлетая к нему, она увидела, что это огромное серое здание с двумя приземистыми башнями, широким входом и множеством окон.

– Похоже на замок, – отметила посланница, – но он находится в совершенном запустении. Может, меня не туда доставили?

Тем не менее она полетела дальше. При приближении стало видно, что замок, видимо, никогда не ремонтировался: кладка местами сильно обвалилась и окна зияли пустыми провалами. По стенам поднимались широкие ползущие растения бурого цвета. Одно из них попыталось коснуться пролетающей мимо Искорки, но она отшатнулась, и плеть с шипением соскользнула со стены вниз. Возле замка был разбит большой парк с чахлыми деревьями и кустарниками, не добавлявший живости увиденной картине. Чувствовалось, что на этом древнем месте лежит печать уныния и тлена.

– Мне все-таки сюда, – решила Искорка. – Конечно, не самое приятное место. Лишь бы сегодня меня приняли, так не хочется здесь задерживаться!

Не всегда визиты на другую сторону заканчивались для Искорки благополучно, однажды ей даже потребовалась помощь в восстановительном центре. А вопрос, в общем-то, был рядовой: могущественного демона Эсмодена в очередной раз ограничили в проведении азартных игр. Играть на имущество Тьме давно было неинтересно, теперь людей вынуждали ставить на кон свои души и сердца. Конечно, собой можно распорядиться как угодно, но только добровольно, поэтому ситуация требовала постоянного вмешательства Света и компромисса сторон.

В тот раз Эсмоден долго не принимал Искорку, намеренно затягивая с ответом, поэтому ей пришлось запастись терпением. Когда ее все-таки приняли, Искорка подавила в себе чувство неприязни: один вид этого чудовища с тремя разными головами, крыльями и змеиным хвостом невольно заставлял максимально сократить аудиенцию. У Эсмодена курьер вызвал агрессию, но демон даже не стал думать, почему этот плевок Света вывел его из себя. Хозяин казино был с посланницей крайне груб и в последний момент, цедя согласие с временным ограничением, в ярости плеснул в нее из своего кубка.

После такого приема Искорка гадала, почему он был с ней агрессивен, ведь тема запретных азартных игр ни для кого не нова, а лично они никогда не сталкивались. «Это такой характер. Чего еще ждать от того, кто развращает человеческие души», – подумала она тогда, желая, чтобы их общение больше не повторилось. Намного проще Искорке было работать с Одиноким магом, который никаких важных должностей не занимал, поэтому был спокоен и говорил только по существу. Чего стоило ожидать от Аморфо, она не знала.

Холл первого этажа был пуст и освещался лишь тусклым светом, пробивающимся из окон. Искорка влетела и стала ожидать встречающую сторону, но к ней не спешили. За исключением совы, сидящей на насесте, в

холле никого не было. Казалось, что приход гостыи птицу совсем не интересует.

– Здравствуйте, – обратилась Искорка к сове, слегка посветив лучиками, – я по поручению. Когда Ваша госпожа сможет меня принять?

Сова в ответ не шелохнулась, и было непонятно, услышала ли она обращение. Искорка облетела весь холл, но так и не нашла, к кому можно обратиться за помощью. Правила курьерской службы не позволяли вторгаться в чужие владения, поэтому оставалось только ждать, пока хозяева соизволят обнаружить ее присутствие. В глубинах замка раздался грохот, затем послышался детский плач, потом все стихло и опять погрузилось в покой. Стены холла давили на Искорку, и она вылетела на крыльцо, собираясь здесь ожидать приглашения.

Проходило время, но ничего не менялось, и Искорка затосковала: «Как же мне не хватает яркого лучистого света, дарящего радость!». Не зная, чем заняться, она стала разглядывать животных в парке. Все они подобрались в беспорядке и вместе составляли странную картину: две большие дикие кошки носились между деревьями, пугая своими визгами сонного страуса, верблюды медленно жевали лист, а стая шакалов пила из мутной лужицы. С разных уголков парка доносились непонятные звуки: то ли стоны, то ли бормотание. Посетить это место совсем не хотелось.

Наконец, что-то изменилось: послышалось хлопанье крыльев и из холла вылетела сова. Птица села на выступ у крыльца и уставилась на Искорку. У посланницы возникла мысль, что, может быть, это и есть сама Аморфо, но почему-то казалось, что повелительница Тьмы должна выглядеть как-то по-другому, не в перьях и с крючковатым клювом. Сова издала хриплый крик и полетела обратно. Искорка поняла, что ее приглашают на аудиенцию.

Она влетела в холл и оторопела от изменившегося вида этого помещения. Теперь в нем находился роскошный зал: вдоль стен, украшенных дорогими гобеленами, стояла мебель из благородного красного дерева, окна закрывали тяжелые шторы, шикарная люстра искрилась тысячами прозрачных камней, а глянецовый пол устилал роскошный ковер. В центре зала в кресле восседала женщина исключительной красоты. Свечи, испускавшие мягкий свет, высветили длинное бархатное платье цвета спелых вишен и темные локоны, обрамлявшие лицо. Перед посланницей сидела одна из тех, кто управлял Тьмой, – Аморфо. Ее внешность привлекала и располагала, глаза смотрели на прибывшую с живым интересом.

– Слушаю тебя, посланница, – обратилась хозяйка будуара к Искорке, вытирая капельку крови с уголка губ.

– Вчера для Вас похитили дочь Иды из Ревена. Создатель просит возвратить ребенка.

– Ты опоздала со своей просьбой. У тебя что-нибудь еще?

Искорка решила уточнить:

– Когда меня отправляли к Вам, девочка была еще жива. Ей суждено сыграть важную роль в жизни людей.

Аморфо слегка удивленно посмотрела на нее.

– Мне нет дела до планов Света и судьбы какого-то ребенка. У ее матери еще есть дети, а этот нужен был мне самой.

Женщина повела плечом и с невозмутимым видом добавила:

– Если твоему хозяину что-то нужно, то пусть лучше заботится о своей собственности. Слишком высоко он сидит и не все видит. К тому же правила у него какие-то странные. Вот это, например, голову сломаешь: хочешь сеять рис – сей рис, хочешь пшеницу – сей пшеницу, только пожинать будешь то, что посеял. Это же надо такое выдумать! Людям не нужны загадки, им подавай простые советы и легкие пути. Век человека и так короткий, все равно из-за своей слабости он никогда не сможет подняться к этому... как вы там говорите, Небу. Так зачем усложнять ему жизнь?

Искорка вдруг вспомнила, что несколько часов назад слышала в глубинах дома детский плач, а минутой раньше Аморфо вытерла кровь с губ. Как жалко, что не успела она выполнить последнее задание и невинное дитя погибло! А сидящее перед ней существо рассуждает о том, как надо вести себя Свету. Невольно она отозвалась:

– Свет – это же наше общее начало.

Аморфо тонко улыбнулась.

– А почему ты решила, что я когда-то принадлежала Свету?

Искорка не знала, что ответить. «Действительно, – подумала она, – Аморфо нигде не упоминалась, разве что в Книге мира, но кто ж ее прочитает, это великая тайна». Все остальное было просто домыслами, которые передавались, обрастая новыми подробностями. Насколько они были достоверны, Искорка не знала.

– Правильно, – сказала Аморфо, – не стоит говорить, если не знаешь. Ведь так вас учит Создатель? Правда в том, что я никогда не была связана со Светом, мой путь всегда шел во Тьме. Я могущественна и мне подвластно все. Тот, кто принимает меня, не жалеет о своем выборе.

С этими словами Аморфо выразительно посмотрела на посланницу.

– Я всегда буду верна Создателю! – бойко отозвалась Искорка.

– Знаешь, очень удобно внушить вам такую мысль. А ты не думала, что он вам лжет? Просто ослепил своим светом и управляет как ему удобно. В мире столько людей безвинно страдает, а он это допускает. Разве это справедливо?

Искорка не согласилась, но промолчала, однако Аморфо поудобнее села в кресле, видимо, расположенная к продолжению беседы.

– Вот ты – должность мелкая, роль незначительная, сама ничего не решаешь и никакого просвета в жизни. Разве тебе не хотелось бы самовыражения и больших свершений? Заметь, я не склоняю тебя на свою сторону, у меня подданных более чем достаточно. Ты просто достойна большего света, чем имеешь. Поверь, я это знаю.

– У Вас не получится меня смутить, – Искорка распустила лучики и засветилась сильнее обычного.

– Зачем мне тебя смущать, ты можешь смутиться сама. И я, наверное, предоставлю тебе такую возможность.

Искорка почувствовала неуверенность, и легкая тень страха пробежала по ее лучикам. «Сократить контакт, – вспомнила она. – Все-таки опасно долго находиться во тьме, как бы не пришлось снова проходить восстановление».

Аморфо о чем-то недолго задумалась, а затем произнесла:

– Я не собираюсь ничего объяснять твоему Создателю, поскольку сама намечаю свой путь. Сегодняшней девочки больше нет. По замыслу Света она должна была участвовать в одной любопытной истории. Но вариант с тобой мне намного интереснее.

Аморфо торжествующе улыбнулась, предвкушая свою затею.

– Конечно, с таким неярым светом ты никогда не добьешься высот. Я тоже не подниму тебя до них, ибо и Свет, и Тьму возносят способности. Решено! Ты совершишь самое великое путешествие в своей никчемной жизни.

При этих словах Искорке стало не по себе: судя по всему, она влипла в какую-то темную историю и ее мнения никто не собирался спрашивать. Аморфо между тем все больше увлеклась своей идеей.

– Стать ярче при своих скромных возможностях ты сможешь только на Земле. Но, как ты знаешь, очередь для земного воплощения очень велика, и тебе навряд ли представится такая возможность. Я решу этот вопрос. Мне известен род, из которого ты приходишь. Он задолжал мне одну услугу, и я сделаю так, чтобы он ходатайствовал о твоём рождении на Земле. Там ты попытаешься увидеть, что твой хозяин любит вас. Я же убеждена в обратном, и, пройдя все, ты согласишься со мной. В помощь я дам тебе один дар, его одобрил бы даже сам Создатель, ведь ты сможешь исцелять. Надеюсь, что ты распорядишься им с умом. Это повысит твой авторитет, тебя же очень волнует, что скажут другие.

Искорка была в растерянности, ее лучики начали беспорядочно переливаться разными оттенками. «Какая Земля? Я не хочу на Землю. Да по какому праву?!» – внутренне завозмущалась она, но тут же услышала повелительный голос: «Приблизься!». Неведомая сила протацила Искорку вперед, прямо к темному существу. Она почувствовала неладное, а потом ощутила ужас: ее ослепил яркий, но какой-то грязный, неживой свет, после чего один из лучиков погас. Только Искорка хотела что-то сказать, как все вернулось в прежний вид.

– Не стоит переживать, – «успокоила» ее Аморфо, – я помогу тебе пройти земной путь. Да, и последнее... Наш разговор ты, конечно, забудешь. Но, когда придет время, мы с тобой еще встретимся. Возможно, ты что-то попросишь у меня.

На губах женщины зазмеилась вишневая улыбка:

– Нет, ты определенно попросишь!

На этом аудиенция закончилась. Вокруг кресла с пугающей быстротой стал разрастаться темный ореол, по стенам побежали тени мерзких существ. Перед Искоркой все как-то разом завертелось, и в следующий момент она уже неслась обратно по знакомому черному тоннелю с мыслью: «Никогда! Никогда я у Вас ничего не попрошу. Лучше еще раз встретиться с Эсмоденом. Он хотя бы не делает вид, что хорош!».

Дома посланница отчиталась о выполненном поручении и вспоминала произошедшее как розыгрыш Тьмы. То, о чем говорила Аморфо, было невозможно. Из рода Искорки уже очень давно никто не воплощался на Земле, и на это была причина. До нее доходили слухи, что ее далекий небесный предок когда-то совершил падение, после чего пребывание потомков на Земле стало затруднительным. В связи с этим совет рода принял решение закрыть доступ к земному воплощению. Но эту тему открыто не обсуждали, потому что о семейных проступках не принято говорить.

В том месте, где гас лучик, Искорка чувствовала какое-то неудобство: он вроде бы и светился, но не так, как прежде. «Само пройдет, – решила она не придавать этому значения. – Если по каждому случаю обращаться, можно вообще списываться».

Утром следующего дня Искорка собиралась на службу в своем самом лучшем настроении. Сегодня ее должны были назначить на ответственную должность: ей предстояло в числе других освещать зал заседаний Высшего совета. Искорка уже прошла проверку и знала, что соответствует всем требованиям. По прибытии на место ее ждал срочный вызов к начальнику, который велел немедленно лететь в головное управление.

«Как бы этот вызов не был связан со вчерашним поручением, – думала на лету кроха. – Вроде бы я действовала по правилам, хотя... кто знает, в них всегда столько сносок и оговорок. Эх, не надо было долго слушать Аморфо! Но я же не могла развернуться и улететь прямо во время аудиенции. Только бы новое назначение не сорвалось!».

В управлении Искорку сразу сопроводили к одному из архангелов, что само по себе было странно, поскольку он не занимался проблемами таких мелких служащих. Искорка испугалась, что сейчас ее отчитают по всей строгости. Трепеща, она предстала перед архангелом и не сразу осознала услышанное.

– Искорка, – сообщил ей архангел, – сегодня высшая инстанция рассматривала твою кандидатуру для внеочередного направления на Землю. Решение в этом письме. Сейчас ты можешь ознакомиться с его содержанием, после чего тебя ждут в тронном зале.

– Ничего не понимаю, – пробормотала Искорка.

Ее лучики начали переливаться разными цветами, как это бывало в минуты растерянности. Она коснулась лучиком письма и механический голос сообщил, что все неоконченные дела необходимо передать своему непосредственному руководителю, поскольку ей предстоит воплощение на Земле. Для воспитания земной души и укрепления духа ей в помощь дано четыре жизни. Если за отведенное время она успеет войти в поток Света, то вернется обновленной.

Мимо пролетал маленький светящийся шарик из отдела обеспечения световыми разрядами. Услышав сообщение, он принялся бурно поздравлять

Искорку, тараторя на ходу о том, какой ей выпал замечательный (да-да, именно замечательный) шанс. Искорка глубоко вздохнула, распустив и сжав лучики, и полетела выполнять задание: сначала сдавать неоконченные дела, а потом – в тронный зал.

Кроме мощного света, лившегося с конца зала, она ничего не увидела. Создателя вообще никто никогда не видел. По крайней мере, никто не сказал обратное. Творец тепло принял маленькую Искорку.

– Ты хорошо трудились и честно выполняла свой долг, – услышала она. – Как ты знаешь, в нашем мире ценно только то, что светится. Твой свет неяркий, но его можно увеличить. Сделать это можешь только ты сама. Тебе суждено попасть в мир людей, в котором, к моей печали, истинный свет мало ценится. Аморфо, с которой ты вчера встретишься, может торжествовать. Она не стала создателем, но вместе с другими приспешниками извратила мои творения – человеческие души, заполнив эти бесценные сосуды грехами.

Искорка, трепеща, слушала Создателя и старалась отгонять тревожные мысли о том, что ей предстоит.

– Как тебе уже сообщили, ты родишься на Земле и постарайся стать творцом в выбранном деле, познать законы бытия и подняться духом к Небу. Задача непростая, поскольку ничего из прошлого ты не будешь помнить и начнешь жить с чистого листа, как все люди. В помощь тебе дается четыре жизни. Помни, что отведенное тебе время не безгранично.

– А что будет, если я не сумею? – несмело спросила Искорка.

– Вернешься такой, какая есть.

Искорка замерла. С одной стороны, ей был предоставлен такой редкий случай. Все души желают отправиться на Землю, потому что получают возможность творить. В истории было мало примеров, чтобы кто-то отказался воплотиться в человеческом теле, а ее эта перспектива почему-то пугала. И ведь в случае провала она ничего не потеряет, разве что останется чувство чего-то значительного, по-настоящему великого, которое прошло мимо нее.

– Посмотри наверх, – услышала она Создателя.

Прямо над Искоркой находился прозрачный купол, в глубине которого клубился приятный золотистый туман. Он начал медленно опускаться.

– Твой небесный род давно не воплощался, ты открываешь новую страницу Книги мира. На Земле у тебя появятся другие родственные связи. Тебе решать, как ими распорядиться, но помни, что все они важны и сыграют роль в твоей жизни. Стремись и помни, что образ пути записан в тебе, даже если ты свернешь или пойдешь назад. Сказал бы тебе: «Ничего не бойся!», но ты все равно познаешь и страх, и другие слабости, ибо их преодоление и есть сама жизнь.

Лучики Искорки светились зеленым: рядом с Создателем всегда было хорошо и спокойно.

– В добрый путь! – благословил ее Создатель.

– В добрый, – повторила она и больше уже ничего не слышала, не видела и не ощущала.

Глава 2. Ночная крепость

Утро в крепости Хурусва выдалось беспокойное. Накануне к князю Альхо прибыл начальник отряда, патрулирующего земли владений. Он передал господину тревожные вести о надвигающейся угрозе с севера. На границе княжества его отряд обнаружил нескольких лазутчиков, составлявших карты местности. Кто эти люди и чьи распоряжения они выполняли, выяснить не удалось. Жители приграничных территорий рассказывали, что видели вооруженные отряды без гербов. Кроме того, поговаривали, что это были не совсем обычные отряды: их замечали только по ночам и то случайно, поскольку передвигались они быстро и бесшумно. Один житель уверял, что в темноте сложно было рассмотреть всадников, однако таких животных под седлом он еще никогда не видал, а от звуков, которые они издавали, холодело в груди.

Все это было достаточно туманно, поэтому начальник отряда лично прибыл к князю. Они долго совещались в приемном зале, а утром князь Альхо с отрядом дружинников стал собираться в соседние земли. Перед отъездом Альхо вызвал к себе племянника.

– Имерель! У меня нет наследника, но есть ты – сын моей дорогой сестры Неи. Оставляю крепость на тебя. Ты молод и рано остался без родителей, но я знаю, что ты готов нести это бремя.

– Мой князь, я буду с честью выполнять свой долг, – Имерель склонил голову.

Альхо улыбнулся и похлопал юношу по плечу. Имерель с первого взгляда производил приятное впечатление. Он был хорошо сложен, со светлыми волосами, стянутыми на затылке, и яркими голубыми глазами – глазами Неи и Альхо. Несмотря на то что в них горел огонь молодости и задора, у Имереля были крепкая рука и ясный ум.

– Мирной жизни в наших краях приходит конец, – удрученно сказал Альхо. – Конечно, слухи о вооруженных отрядах и пойманные лазутчики неслучайны, кто-то готовится нанести нам удар.

Имерель понимающе кивнул.

– Скажу тебе еще одно. Недавно прибывший от Торпа гонец принес мне страшные вести. Одна из его дальних крепостей подверглась нападению и была разгромлена. Никто из защитников и обитателей не выжил, и неизвестно, кто совершил злодеяние, поскольку крепость осталась незанятой. Торп спрашивал, слышал ли я что-нибудь подобное, но я не смог ему помочь.

Князь задумался, проведя рукой по бороде, потом продолжил:

– Темные времена наступают, надо к этому готовиться. У нас не так много воинов, чтобы отразить возможную угрозу, поэтому я еду в Карр. По слухам, там сейчас немало наемников, желающих за еду и жилье служить какому-нибудь гербу. Конечно, наемный отряд – это не воины, защищающие свою землю и готовые пасть за ее свободу, но у нас, мой мальчик, нет выбора.

В это время в зал вбежала девушка в длинном платье цвета розовой сирени и в нерешительности остановилась, поскольку, очевидно, прервала важный разговор. Как будто ласточка залетела в зал – так легка и нежна была посетительница.

– Элья, доченька, подойди, – ласково позвал ее Альхо. – Ты уже, наверное, слышала мое решение об отъезде. Сейчас говорю, что оставляю Имереля хозяином крепости, а ты должна будешь помочь ему управиться с делами. Грядет осень, пора готовить запасы на зиму, а у тебя все хорошо получается, как у покойной матушки.

– Отец, я во всем помогу, – ответила Элья, – но как же не хочется расставаться с тобой, да и путь до Карра неблизкий.

– Тогда поскорей его начнем! – сказал Альхо и вместе с дружинниками покинул крепость.

Проходили недели, но ни дурные, ни хорошие вести не заходили в Хурусву. Тем временем жизнь в крепости текла своим чередом, ее обитатели готовились к зиме. Урожай уже был убран с полей и заботливо припасен. Рыбаки привозили на своих лодках богатый улов, а потом женщины солили, сушили, коптили его под визги беззаботной ребятни. Особенно хороша была рыбка у жены сапожника Мэг, которая всегда была рада гостям. Еще больше гостям радовался сам сапожник, потому что в такие дни Мэг разрешала ему угоститься ее не менее знаменитой настойкой.

Элья, несмотря на свое высокое положение, была настоящей мастерицей. Она искусно вышивала золотыми нитями, ткала, знала множество рецептов блюд, которым Дари обучила ее на кухне, могла вести счетные книги и прекрасно управлялась с большим хлопотным хозяйством крепости. Каждый день дарил ей солнечный свет, и она улыбалась ему в ответ. Старуха Олби научила ее разбираться в растениях, и Элья с удовольствием бродила по лесу в поисках лечебных и пряных трав.

Однажды девушка собирала ягоды и, увлекшись, забрела в незнакомое место: посреди поляны высилось очень старое дерево с мощными корнями, которые оплели землю, и широкой кроной, тяжело шумевшей на ветру. Элья прислонилась к стволу, закрыла глаза, и внезапно перед ней возникло видение. Она увидела сражающихся в крепости воинов, стены, забрызганные кровью, и лежащего на ступенях Имереля. Разглядеть его мешал какой-то темный силуэт. Девушка в страхе отпрянула от дерева и вздрогнула, потому что из кустов вышел улыбающийся Имерель с только что подстреленным зверьком.

– О, братец, я сейчас такое видела! – взволнованно начала говорить она. – Как будто беда пришла в нашу крепость. Надеюсь, что с нами ничего дурного не случится.

– В этой чудесной головке должны быть только хорошие мысли, – весело сказал Имерель, поцеловав ее в лоб.

Он подхватил корзинку с ягодами, и они отправились домой. Вечером брат и сестра стояли на площадке башни, с которой открывался вид на вспаханные и подготовленные к зимовке поля. Вдали темнел лес и неспешно несла свои воды широкая река. Да, Создатель благоволил к Альхо, здешняя земля была благодатна и щедра.

– Уже темнеет, пора отдыхать, – сказала Элья. – Я думаю, отец будет доволен, когда вернется. Ты все сделал правильно, братец.

– Элья, я очень рад, что ты рядом, но (тут он шутливо дернул ее за прядь волос) так будет не всегда. На будущий год ты достигнешь совершеннолетия, и придется определяться с выбором жениха. Князь уже говорил тебе что-нибудь?

– Нет, не говорил. Я покорюсь его воле, он знает об этом. Но, как всякий отец, он желает счастья своему ребенку, поэтому пока не торопится делать выбор своего преемника.

– Я не сомневаюсь, что его выбор будет правильным и для Хурусвы, и для тебя, сестренка, – сказал Имерель. – К ночи холодает, но завтра день будет солнечным, мы многое еще успеем сделать. Пойдем?

И обнявшись, молодые люди спустились с башни в свои покои.

– Помогите! Помогите!

Элья проснулась от истошного женского крика и не сразу сообразила, приснилось это или было наяву. Накинув халат, она выскочила в коридор и сбежала на нижний этаж. Повсюду были зажжены факелы, люди в панике метались по залам. Раздался звук горна – это объявили тревогу. Элья остановила пробегавшую мимо кухарку.

– Дари, что произошло?

– О, госпожа, на нас напали! Но никто толком ничего не знает, – Дари судорожно сглотнула. – Мы все в растерянности. Нельф, дежуривший на башне, как хмельной ввалился в зал, прохрипел, чтобы немедленно объявили тревогу и сообщили Имерелю. Потом он упал, и из его горла хлынула кровь. Но кто мог напасть на него там, наверху?!

Элья погладила женщину по волосам, пытаясь ее успокоить, а затем побежала разыскивать Имереля. Взбежав в башню, она выскочила на открытое место. Ветер сильными порывами раздул полы ее халата и растрепал волосы, но она, не обращая внимания, подбежала к брату. Имерель стоял возле зубца стены и отдавал воинам приказ оцепить башню. Увидев Элью, он велел ей возвратиться в крепость. Откуда-то сверху раздался резкий звук, который больно ударил по ушам. Элья зажала уши, а когда опустила руки, то увидела, что к башне подлетают какие-то существа.

– Немедленно уходи! – прокричал ей Имерель сквозь порывы ветра. – И успокой людей!

Элья побежала вниз по винтовой лестнице, но мысли ее неотступно возвращались к тому, что она успела увидеть: множество темных существ,

летающих к башне. Она вспомнила свое видение в лесу, и ее охватило страшное предчувствие.

Защитники не были готовы к такому нападению. Демоны стремительно налетели, смели заграждение, и сталь мечей не сдержала надвигающееся зло. Теперь уже никто не защищал крепость единым оплотом, каждый сражался за свою жизнь. Это были порождения Тьмы в женском облике с широкими сильными крыльями и телом, покрытым чешуйчатой кожей. Демоны хищно скалились, показывая острые клыки, взглядами пригвождали жертв к стенам, а потом разрывали тела. Спасения от этих тварей быть не могло.

– Отступайте! Отступайте в крепость! – Имерель старался перекричать ветер, порывы которого сбивали воинов с ног на каменный пол, ставший скользким от пролитой крови.

Спустя непродолжительное время после атаки внутри крепости осталась горстка отчаявшихся людей, которых Эля еще пыталась спасти. «О, если бы отец был сейчас с нами!», – шептала она как заклинание, надеясь, что его сила и мудрость помогут на расстоянии. Ей было очень жаль защитников, погибших ужасной смертью, и страшно за оставшихся в живых.

Небольшая группа взрослых и детей собралась в одном из залов. Люди привалили к двери тяжелую мебель и замерли, глядя на Элью, видя в дочери князя последнюю надежду на спасение. Где-то в крепости продолжался бой, раздавались крики, но исход сражения уже был ясен, и Эля мучительно пыталась принять какое-то решение. «Должен, должен быть выход! Я не могу оставить этих беззащитных людей на растерзание Тьмы!» – билась в голове девушка мысль.

– Госпожа, Вы сделали для нас все, что могли, – сказала Дари, ласково коснувшись ее рукава. – Мы все верно служили своему господину и ни о чем не жалеем. Если нам не суждено спастись, то это не Ваша вина.

Люди закивали, но в их глазах читался немой ужас: погибнуть такой смертью было очень страшно. О себе Эля не думала, потому что с детства отец привил ей любовь к своим подданным и великую ответственность за их жизни и благополучие.

– Я знаю, что надо делать! – внезапно поняла Эля. – В крепости есть потайной ход, который проходит под землей и выводит в лес. Нам нужно спуститься на нижний этаж и попасть в оружейный зал, откуда начинается тайный коридор. Тогда мы сможем спастись.

– А мы можем просто укрыться, переждать нападение, и демоны не станут нас искать? – несмело спросил поваренок Барр.

– Вряд ли они остановятся, – ответила Эля, и в подтверждение ее слов мимо решетчатого окна пролетел жуткий силуэт.

– Сейчас мы откроем дверь и постараемся как можно тише и быстрее спуститься по боковой лестнице, – скомандовала она.

Люди трясущимися руками освободили проход, а Барр выглянул в коридор:

– Здесь никого нет.

Элья пошла впереди, подавая знаки, когда нужно остановиться и переждать. Им удалось спуститься с лестницы до первого этажа. Повсюду лежали обезображенные тела воинов, стены были густо забрызганы кровью, запах смерти не давал дышать. Элья судорожно вздохнула и продолжила вести людей. Никто не мог сдержать слез, все молча плакали. До оружейного зала осталось совсем немного, когда сразу несколько демонов почуяли людей и полетели к добыче. Несчастные в панике побежали в разные стороны, некоторые не выдержали и кинулись из открытых окон прямо на камни, другие – обратно к лестнице.

Элья запнулась о меч, попавший под ноги, и когда вновь поднялась с ним, то увидела демона, летящего к ней. Вблизи это существо было еще более отталкивающим. Оно смотрело немигающими глазами и как будто оценивало жертву. Страх был таким сильным, что ноги сами понесли девушку из зала, но демон обогнул колонну, вылетел прямо на Элью, схватил ее голову и прислонил к своей. Девушка почувствовала, как чужеродная сущность демона вливается в нее широкой струей, а потом увидела эту струю и себя со стороны. Сознание уже оставляло ее. С последними силами Элья сжала рукоятку меча и всадила его лезвие в себя. Демон издал вопль, связь прервалась, и существо в судорогах рухнуло на пол. Элья этого уже не видела. Перед ее глазами проплыли зеленый лес, могучая река и яркий куст орлании, дарящий восхитительный аромат. Отец грустно улыбнулся ей, и мама, дорогая мамочка протянула руку. Элья шагнула к ней.

Тем временем в голове демона бушевал смерч, разрывая последние нити сознания жуткого существа. Внезапно под чудовищем образовался провал в запредельное, и темная душа, увлекаемая неведомой силой, рухнула вниз.

Искорка очнулась в маленькой белоснежной комнате. За исключением синей тумбочки, стоящей в углу, в помещении больше ничего не было. Внезапно она все вспомнила и замерла в ужасе от осознания своего первого земного воплощения: она была демоном, убивала людей и в этой девушке собиралась возродить новое чудовище.

– О, Создатель! Как же так?! Почему мой первый опыт оказался таким ужасным?!

Но отвечать было некому. Искорка понимала, что нужно собрать силы для следующей жизни, чтобы она вновь не стала горьким уроком.

Глава 3. Фаюмская история

Это был золотой век долины Нила. Фараон Аменемхет III – владыка Верхнего и Нижнего Египта заканчивал грандиозное строительство оросительных каналов в Фаюмском оазисе. В самом Фаюме во славу XII

династии фараонов Среднего царства было возведено огромное каменное здание, которое из-за бесчисленных переходов стало называться Лабиринтом и прославилось в других землях. Это было время, когда фараоны склоняли к своим ногам целые народы, но и сами поклонялись великой силе – искусству. Культ древнего бога Ра, господствовавший во времена Старого Царства, сменился культом солнечного Амон-Ра, а заупокойные ритуалы стали доступны не только вельможам, но и людям среднего достатка.

– Акил, ты не забыл, что сегодня обещал сыграть для наших гостей? – из дома раздался женский голос.

Юноша встал с низкого ложа, удобно устроенного в саду в тени пальм, и вошел в дом. В большой комнате, несмотря на послеполуденный зной, царил приятная прохлада. Стены были выкрашены в белый цвет и задрапированы льняными коврами. Босые ноги Акила ступили на пол, покрытый тростниковыми ковриками. Легкий ветерок колыхал прозрачные занавески и разносил аппетитный запах жарившегося мяса.

– Конечно я помню, мама, – ответил он. – Я сочинил новую мелодию для флейты и собираюсь исполнить ее. Надеюсь, что гостям понравится.

Нефтис кивнула сыну и продолжила готовиться к приходу гостей. В последнее время все складывалось хорошо. Десять лет назад смерть Гахиджи в походе против нубийцев покрыла его имя славой, но какой в ней прок, если жена и сын остались одни. Семья Гахиджи выхлопотала для Нефтис место управляющей в бальзамической лавке и учебу Акила при храме. С тех пор Акил вырос и превратился в стройного молодого человека с миловидной внешностью. С детства он тяготел к наукам и мать всячески поощряла это стремление. Мальчиком он подолгу проводил время в бальзамической лавке матери и с благоговейным интересом наблюдал за всеми происходящими там таинствами.

Обычно несколько бальзамировщиков колдовали над привезенным телом умершего: один осматривал и намечал место надреза, другой разрезал плоть, третий доставал внутренние органы. Еще были мумификаторы, которые обрабатывали тело, заворачивали его в ткани, обкладывали амулетами. Все действия были точными и отлаженными, и в этом Акил видел почти божественный ритуал сохранения храма, в который душа возвращается после смерти. Желающих стать таким драгоценным сосудом находилось немало. Родственникам умершего предлагалось несколько способов мумификации, и они, исходя из своих финансовых возможностей, выбирали подходящий вариант.

– Мама, почему не все мумии делаются одинаково? – спрашивал маленький Акил.

Он подмечал, что у состоятельных людей извлекали все внутренности, тела обмывали вином, натирали благовониями и заворачивали в дорогие ткани. Более дешевый вариант предполагал просто впрыскивание в брюшную полость покойника кедрового масла, а в тела бедняков вливали обыкновенный сок редьки. Так, будучи еще ребенком, Акил познавал азы социального неравенства, существовавшего даже в заупокойном мире. Нефтис все это

время успешно управлялась с бальзамической лавкой, которая, впрочем, как и любое похоронное дело, приносила им стабильный доход и обеспечивала безбедную жизнь.

Мать напрасно переживала, что сын может пойти по стопам отца и выбрать военную службу. Напротив, Акила не привлекали тяготы и жестокость этого занятия. Его мягкая натура была расположена к музицированию и прочтению свитков. Целыми днями он пропадал сначала в школе при храме, потом в библиотеке. Ему нравилось находиться в ее просторных залах среди огромного количества книг. Нередко здесь собирались не только ученые, но и люди, занимавшие высокие посты в окружении фараона. Акил внимал их беседам и мечтал когда-нибудь вот так же умно рассуждать о тайнах человеческого тела – он твердо решил стать врачом.

«Как же летит время», – подумала Нефтис, расчесывая волосы перед полированным бронзовым зеркалом. Вопреки существующей моде и своему положению в обществе она не брила голову и не носила парик. В молодости Нефтис была довольно привлекательной девушкой, но после смерти мужа больше не вышла замуж и целиком посвятила себя воспитанию сына. Благо она могла позволить себе такую свободу и не находиться под опекой. Женщина оглядела себя в зеркале и отметила, что фигура с возрастом немного расплылась, на лбу и вокруг губ давно залегли жесткие складки, а взгляд миндалевидных глаз утратил свою мягкость.

– Панья, приготовь воду, – приказала она.

После освежающей процедуры специально обученная рабыня сделала ей массаж и натерла краской, делающей кожу светлее. Нефтис облачилась в синий нарамник-халат с рукавами, затянула на талии поясок и надела сандалии. Потом еще раз взглянула в зеркало, подвела глаза черной краской и осталась довольна своим отражением. Рабыня сообщила ей о прибытии гостей, и хозяйка дома поспешила к ним.

– Господин Джау, госпожа Зэорис, рада вас видеть! – приветствовала она пришедших.

Достопочтимая семейная пара прибыла к Нефтис, чтобы обсудить детали предстоящей мумификации отца господина Джау. Беседа текла неспешно, к ужину к ним присоединился Акил. Он живо интересовался у господина Джау перспективами врачебной практики, поскольку его учеба подходила к концу.

– Акил, – Джау внимательно посмотрел на молодого человека, – я думаю, из тебя получится хороший врач. Ты получил прекрасное образование, пришло время проявить свои способности. Завтра я представлю твою кандидатуру дворцовому лекарю, и, да поможет нам Изиды, твоя судьба устроится.

– Господин Джау, – обратилась к гостю Нефтис, – Акил талантлив не только в науке, ему открылся также дар игре на флейте, и он готов вам сыграть.

Зэорис и Джау довольно кивнули, и Акил заиграл. Мелодия то журчала ручейком, то сбегала бурным потоком, она летела, падала, взмывала вверх и

была самой жизнью. Для гостей он извлекал из флейты повествование о смерти и воскресении Осириса – бога созидательных сил природы и загробного мира. Мелодия была настолько живой, что господин Джау где-то в мечтах уже сам был немного Осирисом.

«Ифе, я играю для тебя», – тем временем думал Акил. Перед ним стоял образ красавицы, танцующей на приеме, устроенном в библиотеке по случаю прибытия церемониймейстера фараона, господина Хеси. Увидев в первый раз ее завораживающие в танце движения, кроткий взгляд и чарующую улыбку, Акил понял, что нашел госпожу своего дома.

Вечер клонился к закату. Гости поблагодарили Нефтис за теплый прием, обе стороны остались довольны встречей и распрощались. Чуть позже мать и сын лежали друг напротив друга на широких ложах и наслаждались вечером. Нефтис обдумывала завтрашний день и даже не подозревала, какие мысли витают в голове ее дорогого Акила.

«Ифе, – сказал он девушке в последнюю встречу, – ты свободна и можешь сама выбирать себе мужа. Но знай, что свет солнца Амон-Ра померкнет для меня, если я не стану твоим избранником». Ифе была благосклонна к Акилу, и теперь он не знал, как преподнести матери весть о том, что женится.

– Мама, я хочу тебе сказать, – решился, наконец, Акил. – Я уже не мальчик. Надеюсь, что скоро у меня будет придворная служба, и я хочу привести в дом жену.

– Прекрасно, сынок, – оживилась Нефтис. – Мы подберем тебе достойную пару.

– Я уже нашел.

– Да? И кто она? Подожди, не говори. Это дочь судьи, господина Птах-Шепсеса?

– Нет, это не она.

– Странно, я была уверена, что ты ей оказывал знаки внимания. Вы так близко сидели, когда читали свиток папируса.

– Мама, она не нашего круга. Ее зовут Ифе, она из бедной семьи, но для меня это ничего не значит, – твердо сказал Акил.

Нефтис привстала с ложа.

– Сын, ты не можешь так поступить. Наши родственники, мои и твоего дорогого отца, никогда не одобряют такой брак. Ты понимаешь, что этой связью пачкаешь кровь? Чем занимается эта несчастная?

– Она танцовщица, скромная, благочестивая девушка. Она тебе обязательно понравится.

– Акил, – железным голосом сказала мать, – об этом не может быть и речи!

Она резко встала с ложа и ушла к себе.

– О, Хатор, ты помогаешь всем влюбленным, помоги и нам! – взмолился Акил. – Что плохого в том, что моя избранница танцует и дарит людям праздник? Я не могу сделать выбор между матерью и любимой

девушкой. Если мать так сказала, она уже не изменит свое решение, хоть сколько говори, что Ифе умна и благочестива.

Акил посмотрел на звездное небо и вдруг почувствовал желание подняться к нему, соединиться со звездами и узнать все ответы. Что-то неясное теснилось в его груди. Казалось, еще миг и тайны бытия откроются ему. Он вздохнул и, уже засыпая, обратился к кому-то неизвестному: «О, Создатель...».

Проходили недели, но Нефтис оставалась непоколебимой в своем решении не допустить этой унижительной для нее связи. Акил редко виделся со своей возлюбленной, поскольку работа при дворе (а его без препятствий приняли помощником дворцового лекаря) отнимала большую часть времени. Ему постоянно приходилось узнавать новое, вникать в детали, проявлять внимательность и старание. Дом Нефтис по очереди стали навещать родственники с материнской и отцовской стороны, они вели долгие беседы с Акилом на тему узов брака и чистоты рода. Акил молча слушал, но в душе продолжал следовать за мечтой.

В один из дней Нефтис села напротив него и спросила:

– Что ты решил по поводу этой девушки?

– А я ничего не менял, – ответил Акил и потер уставшие глаза. – Отец оставил мне небольшое наследство, но я должен сам встать на ноги. Господин дворцовый врач хвалил меня, через месяц мне повысят жалование. После этого состоится свадьба.

Нефтис побледнела, но ничего не сказала. Через неделю Акил пришел домой раньше времени и увидел, как мать разговаривает с двумя незнакомцами. Она поблагодарила их за что-то и подала мешочек, в котором обычно носили золото.

– Мама, – спросил Акил, – кто эти люди?

Нефтис внимательно посмотрела на Акила, размышляя о том, что лучше: оставить его в вечном неведении или огорчить. Она выбрала второе. «Мой сын справится с этим и обязательно встретит достойную женщину», – решила она и сказала:

– Твоя свадьба не состоится, сынок.

– Почему?

– Твоя невеста уехала. Я вчера была у нее, мы поговорили, она поняла, что неровня, и отказалась от тебя.

– Кто эти люди, которые к тебе приходили?

– Это ее родственники. Я пыталась загладить ваш разрыв и передала для нее немного золота. Акил! Куда ты?

Недослушав мать, Акил выбежал из дома и со всех ног бросился к Ифе. Но ее комната была пуста, хозяин дома сказал, что она куда-то съехала и не сообщила адрес. Домой он шел не помня себя, все вокруг потеряло значение.

Мир стал таким хрупким, и одного движения было достаточно, чтобы он разлетелся на мелкие кусочки.

«Как же она могла так поступить?» – постоянно спрашивал себя Акил. Эта мысль преследовала его и на работе, и в свободное время. Он опять стал ходить в библиотеку. Сначала делал это, чтобы доказать, что место знакомства больше не причиняет боль, потом – из любви к книгам. Однажды он встретил там Ати, дочь судьи, ту самую девушку, которую мать пророчила ему в жены. Нефтис оказалась провидицей. Статус помощника придворного врача требовал крепкого семейного положения, и через некоторое время в дом вошла молодая жена.

Проходили годы... Нефтис радовалась внукам и достижениям Акила, но временами замечала в глазах сына какую-то непонятную пустоту. Однажды Нефтис сильно занемогла и послали за Акилом, она не хотела уходить, не попрощавшись со своим дорогим мальчиком. Когда он спешно пришел, мать подозвала сына к своему ложу и прошептала:

– Сынок, я должна признаться.

– Мама, тебе не стоит сейчас говорить, береги силы.

Влажный платок лег ей на лоб, но он не мог остудить жар, охвативший умирающую.

– Нет, это важно, послушай меня. Я очень провинилась перед тобой. Это давняя история.

– Если что-то и было в прошлом, то сейчас уже неважно. Ты очень дорога мне, и я никогда не посмею осуждать тебя.

– Акил, сынок, я очень виновата перед тобой. Тогда, много лет назад, та девушка... Ифе...

– Ифе?

– Да. Она не бросала тебя. Я заплатила, чтобы ее остригли и сделали рабыней. Ее увезли в другие земли, не знаю, куда именно. Простишь ли ты меня, сынок?

Акил потрясенно молчал.

– Сынок, не молчи, скажи что-нибудь. Есть ли мне прощение? – слезы побежали по щекам Нефтис.

– Сынок...

Голос Нефтис сорвался. Акил продолжал молчать.

«Это было так давно, – в этот момент думал он, – я был молодым, считал, что нашел любовь всей жизни. Через годы я приучил себя не вспоминать ту историю. Ати хорошая жена и мать, я старался не огорчать ее. Но даже страшно представить, как прошла жизнь женщины, которую я когда-то любил».

– Мама, ведь дело не только в Ифе, – наконец, глухо произнес он. – Ты всегда давала мне правильные, мудрые советы, вот только почему мне кажется, что эту жизнь прожил не я. Как будто персонаж из мистерии двигался, как ты хотела, и говорил то, что ты хотела. Ты подчинила меня своей воле, сделала марионеткой, но я не виню тебя. После смерти папы ты сама

вырастила меня и привыкла, что я всегда был послушен. Один раз я посмел проявить характер, и вот что из этого вышло. Проси прощения не у меня, а у Ифе.

Акил устало прикрыл глаза, потом добавил:

– Когда ты предстанешь перед судом Осириса, и он положит на чашу весов твое сердце, знай, что в противовес содеянному на другой чаше будет моя любовь. И это тебя спасет.

Искорка внезапно очнулась в белоснежной комнате. По ощущениям ей показалось, что она плыла в каком-то общем потоке силы, а потом ее внезапно отделили. «Да-а-а, эта жизнь, конечно, лучше, чем предыдущая, – подумала она, – но в любом случае придется отвечать за свои поступки. Только помнить прошлый опыт я не буду, и с этим ничего нельзя поделать».

Впереди ее ждало новое путешествие.

Глава 4. Незнакомка с мечом

– Быстрее, давайте ее сюда, бросайте на стол! – кричал плотный толстый мужчина, спуская штаны.

Несколько воинов пытались справиться с девушкой, которая отчаянно извивалась в их руках. Наконец, ее толкнули на деревянный стол, возбужденный мужчина грубо схватил ее за волосы и разорвал на несчастной одежду.

– О, шотландское отродье не так уж и плохо! – загоготали присутствующие. – Не замучь ее до смерти, Джон, оставь нам полакомиться.

Избитое лицо девушки смотрело вверх голов этого сборища, потом от боли и отвращения она крепко зажмурила глаза. После получаса утех тело пленницы выбросили во двор, и уже никто ею не интересовался.

«Холодно, как же мне холодно», – очнулась она через некоторое время, и тут же откуда-то изнутри раздался приказ: «Жить! Жить!». Несмотря на дикую боль во всем теле, девушка начала медленно ползти в темноте, пока не наткнулась на деревянный забор. В одном месте колья разошлись, и она, теряя сознание, протиснулась между ними. В глаза светила луна, она не знала, сколько времени пролежала по ту сторону забора. Никаких сил давно не было, она просто в беспамятстве поползла через небольшую поляну к кромке леса. «Жить! Жить!» – короткими толчками отдавалось у нее в голове. Достигнув леса, она вползла в густой кустарник и больше уже не двигалась.

– Аллан, скачи сюда, здесь лежит какая-то женщина! – крикнул лучник мелькавшему среди деревьев всаднику на сером коне.

Аллан Мор подъехал к кустам и увидел обнаженное тело.

– Живая?

– Дышит, но зверски избита.

– Похоже, мы воюем со зверем. Отнесите ее в Станхус.

Всадник поскакал вперед, а лучники положили девушку на плащ, взяли материю с разных концов и понесли ношу.

Через некоторое время девушка с трудом открыла заплывшие глаза и с ужасом увидела все тот же бревенчатый потолок, на который смотрела несколько часов назад. Ее сознание не могло выдержать повторения случившегося, но из ослабевшего горла вырвался только скорбный стон.

– Тише, тише, дорогая, ты в безопасности. Сегодня утром Станхус освободили от англичан, все уже закончилось, – раздался где-то рядом голос.

Девушка попыталась повернуть голову в его направлении, но не смогла. Тогда голос переместился поближе, и она увидела перед собой женское лицо. Что-то мокрое побежало по лицу девушки.

– Поплачь, милая, тебе станет легче, а потом успокаивайся. Я помыла тебя и намазала мазью. Сейчас тебе должно быть очень больно, но ты поправишься.

Эти слова произносила уже немолодая полноватая женщина, укрывавшая ее плащом. Боль утихла под действием тепла и лекарств, и девушка уснула.

«Кто же ты такая? – задумчиво разглядывал Мор спящую. – Как ты могла оказаться здесь одна среди англичан? Неужели тебе хватило мужества шпионить за ними?». Спящая во сне застонала, и Мор больше не стал угадывать причины появления незнакомки в английском гарнизоне.

Через несколько дней незнакомка уже могла самостоятельно встать, но была еще слаба. Рано утром, держась за стены, она вышла во двор и встала под ласковые солнечные лучи.

– Это хорошо, что ты выздоравливаешь, – раздался голос позади нее.

Она обернулась и увидела рядом с собой молодого темноволосого мужчину в тунике и наброшенном поверх длинном плаще.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Нэйттия, меня зовут Нэйттия, я шотландка, – с усилием произнесла она.

– Нэйттия? Как-то неуверенно ты говоришь. А еще что-нибудь скажешь? Что ты делала в Станхусе?

– У меня были причины.

Увидев удивленное лицо мужчины, она поспешно добавила:

– Я вам не враг.

– Какая таинственность. Ну, по крайней мере, ты шотландка и тоже ненавидишь англичан.

– Кто меня спас? – спросила девушка.

– Тебя нашли мои лучники. Меня зовут Аллан Мор, я недавно в этих местах, решил примкнуть к Лэрду Смиту. Слышала о таком?

– Лэрд Смит? – с надеждой переспросила девушка. – Значит, я увижу его... Он здесь?

– Нет. А зачем тебе нужен Смит?

– Мы все здесь собрались для одной цели, не так ли? – отозвалась Нэйтия.

– Ну, как знаешь. Через несколько дней я уезжаю из Станхуса, здесь остаются наши люди. Если тебе не к кому возвращаться, можешь здесь жить и помогать женщинам.

– Могу я поехать с тобой?

– Там, куда я еду, нас ждут только лишения и смерть. Нам не нужна обуза.

– Я не кухарка, которая весь день стоит у огня! – запальчиво сказала девушка. – Я владею мечом, могу стрелять из лука, неплохо управляюсь с конем и смогу убить не одного проклятого англичанина.

Лицо Нэйтии покраснело от волнения и негодования, Мор внимательно посмотрел на нее.

– Сейчас ты еле стоишь на ногах. Если через два дня сможешь взять меч и сесть верхом, то поедешь с нами.

В назначенное время командиры отрядов Мора получили приказ выдвигаться. Мор уже сидел на коне, когда на крыльцо вышла Нэйтия, немного бледная, но с решительным лицом. Она села на подведенного коня, при этом сдвинув брови от боли.

– В путь! – крикнул предводитель, и кони рванули по дороге вдоль леса.

Шел 1296 год. После смерти короля Шотландии и долгих переговоров о престолонаследии страна потеряла независимость, попав под жесткий режим соседней Англии. Среди простых шотландцев рос гнев, который вылился в восстания по всей стране. Одним из предводителей народного волнения стал Лэрд Смит, отряды которого уже успели отвоевать часть шотландских земель. Сейчас Смит со своим войском находился на подступах к замку Фол.

– Лэрд, поешь, – высокая стройная девушка подала мужчине лепешки темного цвета с куском мяса.

Мужчина посмотрел на протянутую руку и взял еду. Девушка, откинув со лба длинные волосы, пристроилась на соседнем камне.

– Ты уже несколько месяцев доблестно сражаешься с нами, но о тебе ничего не известно, – принявшись за еду, сказал Лэрд. – Когда Мор подобрал тебя умирающую в лесу, ты назвалась Нэйтией и больше ничего не сказала. Кто ты и откуда?

– Я тогда не была готова к разговорам, но тут нет никакой тайны. Моя история такая же, как у всех, кто пришел к тебе: я потеряла дом, англичане убили мою семью, и с тех пор месть стала единственным моим желанием. С тобой и Алланом я обрела семью, вы мне как братья, и я надеюсь, что стала вам сестрой.

– Я рад, что наши пути соединились. Ты хороший товарищ и добрый друг, не раз доказавший свою верность. Помнишь, как в Труне на меня накинулись англичане? Если бы не ты, мне пришлось бы худо.

Они замолчали, потом Смит спросил:

– Ну а жених у тебя был?

– Жених?! – глаза Нэйтии опасно сверкнули. – Раньше у меня не было времени думать о мужчинах, а после того, что сделали со мной в Станхусе, я их ненавижу!

– Напрасно, ты же так молода, а жизнь состоит не только из войны.

– А у тебя была невеста? – решила спросить Нэйтия.

– Была.

– И где она сейчас? Я не видела женщину рядом с тобой.

– Она больше не ходит по этой земле, – спокойно произнес Лэрд и горько добавил: – За родителей я тоже отомстил, но сердце мое никогда не найдет покоя.

Нэйтия с состраданием смотрела на такого сильного, но сейчас опечаленного мужчину.

– Нам предстоит решающий день, Нэйтия, – вставая, сказал Лэрд. – Нас не так много, и у англичан больше преимуществ. Знаю, что не все мои воины верят в успех этого сражения. А ты готова сражаться до последней капли крови?

– Я буду рубить, пока будет подниматься рука, – твердо ответила девушка. – У меня в этой войне свои счета.

– Какие счета? – спросил Смит. – Ты говоришь так, как будто испытываешь личную ненависть.

– Я скажу тебе это в замке, когда мы его отвоюем, – произнесла она, тоже вставая с камня.

– О, ради раскрытия твоей тайны я готов взять Бервик с Данбаром в придачу, – с улыбкой отозвался он ей вслед.

«Жених! – вспомнила Нэйтия, спускаясь с холма. – Чтобы я по доброй воле когда-нибудь покорила мужчину? Не бывать этому!».

Смит, сидя на коне и твердо держа поводья, напряженно смотрел вдаль. Расположение замка Фол на вершине скалистой горы делало его практически неуязвимым. Однако сейчас многочисленная армия англичан вышла из стен замка, очевидно, готовясь к маневру, и теперь только широкая река отделяла враждующие стороны. На том берегу противник был уверен в своем превосходстве, а потому был отдан приказ выступить. Английское войско двинулось по узкому деревянному мосту навстречу шотландцам.

– Мор, мы все правильно рассчитали! Они хотят поскорее с нами расправиться! – прокричал Смит.

– Пора действовать? – отозвался Мор.

– Нет, ждем, пока часть войска не достигнет берега.

Когда наступил такой момент, Смит отдал приказ: «Вперед!» Под натиском шотландцев противник дрогнул, англичане начали отступать на мост, и все смешалось. В какой-то момент посреди битвы раздался оглушительный треск.

– Мост рушится! – крикнула Нэйтия.

Не выдержав, мост под англичанами рухнул в реку, увлекая за собой людей и лошадей. Тяжелая доска, зацепившись за плащ Нэйтии, потащила ее в бурлящую воду. Внезапно чья-то рука успела схватить ее за шиворот и вытащила на остатки моста на другом берегу. Она оглянулась и увидела Мора.

– Эй, ты рано нас покидаешь! – с привычной улыбкой сказал он. – Кто же тогда откроет нам страшную тайну о твоём появлении?

– Аллан, как ты можешь сейчас шутить! – она пыталась отдышаться.

Теперь пусть к замку был открыт, большая часть армии англичан утонула, пытаясь преодолеть реку вплавь. Нэйтия и Мор в числе первых ворвались в замок, обитатели которого еще продолжали сражаться за свои жизни. В какой-то момент горстку шотландцев окружил десяток противников.

– Аллан! – закричала Нэйтия. – Берегись, сзади!

Но было уже поздно: меч пронзил спину мужчины, и он начал падать на землю. Нэйтия бросилась к нему, поддерживая тело, ставшее таким тяжелым. Глаза Аллана подернулись мутной пленкой, и он затих. В груди девушки что-то шевельнулось. Вокруг продолжался бой, но она ничего не видела, только прижималась к неподвижному телу.

– Проклятые англичане отняли у меня все: дом, семью, честь. Смит дал мне приют и надежду на то, что мы восстановим справедливость. Он стал мне братом, а ты... – из ее груди вырвался вскрик, – ты всегда был добр ко мне, но я считала, что не заслуживаю твоего благородства. А теперь тебе уже ничего не нужно.

Нэйтия дотронулась губами до его лба. Внезапно звуки происходящего вернулись в ее сознание. Она крепко сжала рукоятку меча и хотела подняться, но удар в голову поверг ее на землю. Тут во двор высыпали шотландские лучники, стрелы которых пронзили оставшихся противников. Воины подняли девушку и понесли в замок.

Смит влетел в центральный зал с криком: «Нэйтия, мы это сделали! Он наш!». Крик замер, когда он увидел лежащую девушку с раной на голове. Смит кинулся к ней.

– Нэйтия, Нэйтия! Как же так?! Я уже потерял одного верного друга, мне только что сообщили про Мора! – Смит упал перед ней на колени. – Нэйтия, ты не можешь уйти в час триумфа! Англичане разбиты, я послал отряды за теми, кто попытался спастись бегством. Если бы хозяин замка узнал о нашей победе, он был бы отомщен.

– Лэрд, – с трудом прошептала Нэйтия. – Я родилась в этом замке. Среди нас жил предатель. Он открыл англичанам ворота Фола, и всех погубили. Я хотела его убить в Станхусе, но не застала.

– Нэй... – Лэрд осторожно убрал волосы с лица девушки.

– Похорони меня здесь, под часовней. Лэрд, ты должен идти дальше, я верю, что тебя не забудут.

«Вот и еще одно путешествие закончилось, – подумала Искорка, возвратившись в знакомую комнату. – В этот раз я была воинствующей девой, которая не допускала к себе мужчин. В конце пути ее сердце все-таки дрогнуло, но, к сожалению, времена тогда были суровые. Нэйтия скрыла свои чувства под надежной броней, которая в будущем может мне помешать. Ну что же, меня ждет четвертая жизнь».

Глава 5. Проклятая любовь

Тяжелые повозки, запряженные быками, медленно передвигались по жаркой засушливой степи. И люди, и животные находились на пределе сил, но путешествие уже подходило к концу. Позади остались голодные годы, проведенные в родной деревне на западной стороне. Это был не единственный караван, которому суждено было преодолеть тысячи километров пути. Земельная реформа 1906 года повлекла за собой массовое переселение людей на окраины Российской Империи.

Была еще одна причина, по которой люди целыми семьями снимались с уже обжитых мест и вновь отправлялись в долгую изнурительную дорогу. В своем путешествии они прониклись идеей свободы и присоединились к одной из крупнейших христианских конфессий – баптизму. Последователи этого течения не признавали церковь как посредника между Богом и человеком и провозглашали равенство всех сынов Божьих. Жить в царской православной России с такой верой становилось опасно. В конце XIX века начались гонения на баптистов: полиция устраивала погромы в домах верующих, применяла к ним силу и отправляла в ссылку. Для сохранения жизни и самобытности многие семьи баптистов вынуждены были искать убежище в далеких землях.

Караван в последний раз остановился на ночлег под открытым небом. Путешествие должно было закончиться в южных землях, где первые прибывшие уже основали поселение Веселовка. Никто точно не мог сказать, откуда появилось это название. Возможно, в тех краях и правда поселились веселые люди. Переселенцам предстояло освоить земельные участки, построить землянки, вырыть колодцы, завести скотину и птицу. Однако все они были готовы к тяжелому труду, и через непродолжительное время в голой степи возник большой красивый поселок с несколькими улицами. Советская власть принесла в Веселовку свою общественную жизнь: появились продовольственный и промтоварный магазины, школа, медицинский пункт и контора председателя.

Шли десятилетия. Старики уже с трудом могли вспомнить прошлую жизнь, а для молодежи новая земля стала родной. 1941 год докатился до

поселка отдаленным грохотом сражений и трагедией людских потерь, среди населения шла всеобщая мобилизация.

Петр вышел из комиссариата, держа в руке направление в действующую армию. Возле конторы он встретил соседку Машеньку и сообщил ей новость:

– Маша, я уйду на фронт.

– Петя, мы обязательно победим! – горячо отозвалась девушка. – Вчера читали последние сводки и говорили, что война долго не продлится. Ты скоро вернешься домой.

С этими словами девушка влюбленно посмотрела на молодого человека. Однако страшная война затянулась на годы, по прошествии которых Маша продолжала верить, что ее дорогой Петенька вернется живым и невредимым.

После окончания войны из всех мобилизованных мужчин возвратилась только четверть. Мария работала в огороде, когда соседка перегнулась через забор:

– Машка! Говорят, наши солдатики вернулись.

– Теть Лиз, а кто приехал?

– Ниче не знаю, беги глянь.

Девушка бросила ведро возле кустов помидоров и побежала к конторе, на ходу вытирая руки о фартук. Сердце сильно стучало и почти вырывалось из груди. На центральной улице собрались жители поселка, председатель говорил торжественную речь, а в кругу стояли возвратившиеся солдаты. Остановившись перед толпой, Маша отдышалась, но унять дрожь было все равно невозможно, поэтому она начала тихонько протискиваться между людьми.

«Петенька!» – чуть было не крикнула она, увидев его, но сдержалась. И тут же внутри кольнуло: «Как же ты изменился». На лице молодого человека залегли глубокие морщины, в волосах серебрилась седина, а на груди среди других медалей блестела «За взятие Будапешта».

Под праздничный марш, который дядя Семен играл на трубе, жители поселка провожали героев по домам. На заборе у каждого дома, из которого ушел солдат на фронт, была прибита яркая красная звездочка в память о великом долге, отданном Родине. Услышав шум, на крыльцо вышла строгая высокая женщина в темном платье с повязанным на голове платком. Взгляд ее остановился на молодом мужчине, открывшем калитку. Не веря своим глазам, она замерла, а потом молча кинулась к сыну.

– Здравствуйте, мама! – в волнении произнес Петр.

Мать начала его всего ощупывать, гладила волосы, заглядывала в глаза, крепко целовала и прижимала к себе. Потом она справилась с волнением и повела сына в дом.

– Спасибо Вам за сына! – крикнули им вслед.

К матери пришли запоздалые слезы, она судорожно их вытирала. На войну ушел ее дорогой мальчик, а сейчас перед ней стоял взрослый мужчина с изможденным лицом.

– Мама, ну что Вы, я вернулся, я живой! – Петр в сенях вытирал мокрые щеки матери.

Из комнат выбежали братья и сестры и закружили его в бесконечных поцелуях и объятиях. Стали спешно искать посуду, варить картошку и доставать из погреба квашеную капусту. Вечером за накрытыми во дворе столами собралась вся многочисленная родня, пришли соседи.

– Ну как оно там было? – спросил дядя Коля, и все притихли.

– Да всяко было, дядя Коля, и в окопах сидел, и в лобовую шел. Видел смерть и сам убивал.

Петр помедлил и продолжил:

– Главное, я понял, что нет ничего важнее мира, мира и здоровья близких. Много моих товарищей погибло, все не рассказать. Давайте стоя почтим память всех, кто защищал нашу Родину! Теперь я знаю, чего это стоило...

Все встали и застыли в молчании. Ольга, тетка Петра, негромко заплакала: ее дорогой муж Мишенька погиб в начале войны и ей суждено было остаться горемычной вдовой. Вечерело, гости еще немного посидели и стали расходиться. Петр засобирался, сказал, что охота пройтись по поселку, по местам, знакомым с детства.

– Иди, сынок, – отозвалась мать. – Ты вернулся домой, родная земля поможет, и раны затянутся.

За столом Петя и Маша успели обменяться взглядами, он шепнул ей о встрече, и теперь она ждала его в условленном месте за огородами.

– Машенька! Как же хорошо чувствовать себя просто человеком! – он крепко обнял девушку.

Она вся потянулась к нему, прильнула, и они оказались на скошенной душистой траве. Позже Петр, глядя ее длинные черные волосы, рассказывал, что в самом конце войны его нашла вражеская пуля. Военный врач сказал, что рана плохая, задет нерв, из-за чего в ноге постоянно будут возникать боли.

– К тому же в окопах я совершенно испортил себе желудок и могу есть только постную пищу. Вот такой я теперь калека, – полушутливо добавил он.

– Петенька, я буду готовить тебе все, что скажешь, и буду заботиться о тебе, – прошептала Мария.

Он обнял девушку, и они забылись сладким сном. После такой ночи Мария чуть не пропустила время утренней дойки коров. Она вскочила, разбудила Петю, расцеловала его и побежала домой.

«Какая же я счастливая!» – внутри у нее все пело оттого, что Петенька вернулся. Пусть он и не совсем здоровый, но живой, и это главное. Она вспомнила жаркие ночные ласки любимого и зарделась от смущения: «Это ведь не страшно, что мы были близки до свадьбы. Скоро поженимся и все наладится».

Петр быстро вернулся к привычной мирной жизни. На семейном совете он сообщил, что хочет поехать в соседний район, где недавно открылись курсы техников. После войны была острая нехватка мужчин, поэтому возвратившиеся парни вызвали сильный интерес женского населения поселка. Как-то раз Мария шла с Петром после танцев в клубе и недовольно выговаривала ему:

– Петя, ты должен был танцевать только со мной. Мы же скоро поженимся, нам положено быть вместе.

При этих словах молодой человек внимательно посмотрел на спутницу, но ничего не сказал. Марию он знал сизмальства, и она ему нравилась, но о будущем он пока не думал. Хотя, спору нет, она была красивой и работающей девушкой.

Мария работала в поселке дояркой, знала всех своих коров, и у нее были свои любимицы.

– Вон та черная с белыми пятнами – это Зорька, – перечисляла она их, – коричневые – Апрелька и Майка. Коровы хорошие, покладистые, доятся быстро и молоко у них жирное.

В тот день она, как всегда, засветло пришла на базу, переделась, вымыла руки, под села к Пеструшке с ведром, накинула на колени чистую тряпицу и принялась за дойку. Но тут перед глазами все завертелось, и она упала на пол. Прибежал техник, помог ей выйти на свежий воздух, где она пришла в себя. «У меня уже давно не кровит, теперь сомнений нет, у нас будет ребеночек, – пронеслось в голове Марии. – Я обязательно должна сегодня поговорить с Петей».

Вечером она вызвала его к калитке. Они пошли вдоль улицы, остановились под деревом, и она смущенно начала сжимать в руках платочек.

– Петя, сегодня мне стало плохо на базе, и меня пораньше отпустили домой.

– Что с тобой случилось, ты не заболела? – Петр участливо посмотрел на девушку.

– Нет, не заболела, – Маша радостно улыбнулась и, глядя ему в глаза, сообщила: – У нас с тобой будет ребеночек!

Такой новости Петр не ожидал. Веточка на дереве, за которую он держался, треснула под рукой. Он на мгновение растерялся, не зная, как реагировать, потом сказал:

– Маша, я не могу жениться без благословения моей матери. Я сегодня поговорю с ней о нас.

– Петя, какое благословение, мы же с тобой... – она густо покраснела.

– Маша, ты не волнуйся. Я обязательно сегодня поговорю с мамой, объясню ей, и все образуется.

Через полчаса Петр стоял пристыженный перед матерью, а она бросала холодные фразы:

– Я понимаю, что это случилось в день твоего приезда и ты должен был стряхнуть с себя ужасы пережитого, но о свадьбе не может быть и речи. Ты знаешь, что твоя Мария цыганских кровей? Нет? Так вот знай. В нашу семью всегда входили только нравственные женщины, а блудницам здесь не место.

– И что мне теперь делать?

– Сейчас ты в тине греха и спасет тебя только вера в Бога. Молись, чтобы он наставил тебя на путь благочестия и смирения. А о Марии забудь. Если хочешь, мы отправим кого-нибудь из родственников сообщить ей об этом.

– Нет, я так не могу, я сам скажу.

Разговор с Марией дался ему нелегко, но еще тяжелее было самой девушке. Она с каменным лицом молча выслушала его, сказала, что все поняла, развернулась и пошла домой. «Господи, где взять силы», – шептала она, идя по дороге и с трудом волоча ноги. Дома она дала волю слезам.

– Мамочка! – рыдала девушка на коленях у матери. – Как я теперь буду жить! Но почему так случилось? В чем я виновата?

– Манечка, доченька, ты можешь навредить ребеночку. Успокойся хотя бы ради него, – мать гладила по голове отчаявшуюся дочь.

Брат Сеня, видя страдания сестры, схватил со стола нож и страшным голосом крикнул:

– Я прирежу его!

– А ну положи нож! – приказала мать, а потом строго сказала дочери: – Мария, я знаю эту семью и могу тебе сказать, что они никогда не приняли бы тебя. Но мы не останемся в долгу.

Она посмотрела на сына.

– Семен, выйди! Нам с твоей сестрой нужно поговорить.

После того, как за сыном закрылась дверь, она продолжила:

– Мария, дочка, я могу сделать так, что его потомки будут страдать. Они не будут счастливы в любви, и это сживет их с белого света. Хочешь этого?

Мария затихла, вытерла слезы, а потом тихо спросила:

– А что будет с ним?

– А с ним ничего не будет.

– Хочу, очень хочу!

Мать достала из шкатулки шпильку, зажгла свечу, произнесла какие-то непонятные слова и провела шпилькой над пламенем свечи.

– Я знаю, кто будет закалывать косы этой шпилькой, и все устрою, – после ритуала произнесла мать. – А сейчас отдыхай, дочка.

Прошло несколько месяцев, и состояние Марии стало заметно жителям поселка. В магазине за ее спиной перешептывались, поползли сплетни о том, что ее не приняли в новую семью. Девушка от этого страдала и наконец поняла, что не сможет так больше жить. Они с матерью и братом решили переехать подальше от этого места туда, где их никто не знает.

В последний день они уложили нехитрый скарб на телегу, сосед вызвался подвезти их до железнодорожной станции. Мария уже собиралась залезать в телегу, как вдруг кто-то окликнул ее. Она обернулась и увидела Петра. Они давно не виделись, говорили, что он поехал учиться на техника. Сердце ее на мгновение замерло.

– Ты уезжаешь? – спросил он.

– А тебе какое дело? – грубо ответила она.

– Маша, ты не можешь просто так уехать. Как же наш ребенок?

– Наш ребенок? Наш ребенок?! – истерично закричала она на всю улицу, больше не сдерживая себя. – Забудь о нем, ты ему не отец! Ты предал нас и за это будешь наказан!

Мать начала успокаивать ее, но Марию уже было не остановить:

– Что я вам сделала? Я просто любила тебя, а ты... Вы все прокляты! Слышишь?! Гореть вам в аду!

На крики из дома выбежал Семен, он подхватил ослабевшую сестру и безумными глазами посмотрел на Петра. Марию уложили на узлы с одеждой. Соседка тетя Лиза вышла их проводить, утирая слезу концом повязанного платка. Телега покатила по пыльной дороге на новое место, где их ждали тяготы послевоенной жизни. Злость на Петра подточила Марию, ее жизнь оказалась безрадостной и короткой. Умирая, она никого не хотела видеть и желала, чтобы все поскорее закончилось.

Искорка постепенно приходила в себя после пережитого, эта жизнь сильно впечатлила ее. Она опять попала в белоснежную комнату и оторопела. Теперь помещение было заставлено рядами стульев разных стилей и времен: низкие и высокие, с прямой и изогнутой спинкой, с подлокотниками и без них, тонко вырезанные и грубо сколоченные, с украшениями, обивкой из шкур, ткани, металла. На небольшом возвышении отдельно стоял стул темно-коричневого дерева с высокой спинкой и подлокотниками, отделанный алой тканью. Искорка посмотрела в угол: синяя тумбочка по-прежнему была там. В комнате царило безмолвие, и в то же время из-за стульев чувствовалось чье-то присутствие. Однако ничего не происходило и за ней никто не приходил. Путешествие на Землю с треском провалилось, и Искорка не знала, что ей делать дальше.

Ей довелось познать такие разные четыре жизни, все они оказались женскими: первая – демонический облик женщины-птицы из доисторических времен, вторая – образ матери, подчинившей сына, третья – воинствующая девушка, закрывшаяся от мужчин, четвертая – мстящая брошенная невеста. Все они были связаны общей нитью – отношениями между женщиной и мужчиной. В первой и третьей взаимодействие с мужчинами-партнерами было полностью исключено: демон их уничтожал, а девушка-воин ненавидела. Вторая и четвертая жизни стали более женственными, но амбиции Нефтис-

матери и Марии-подруги не позволили им построить правильные отношения с мужчинами.

– Будучи Нефтис, я шла на поводу у Тьмы и проявляла эгоизм по отношению к Акилу, – размышляла Искорка вслух. – Только сильная сыновья любовь держала его возле меня. Я видела, как страстно и нежно он любил Ифе, но не хотела делить его с другой. Разбив его мечты, я почувствовала себя уверенней и уже не боялась женитьбы. Я самоутверждалась за счет сына и не дала ему самому прожить неповторимую жизнь. Мария любила Петра, но не замечала, что навязывает свои чувства человеку, который не готов их принять. Разумнее было отступить и дать отношениям время, но я шла напролом и приняла приветливость мужчины за ответное чувство. Сильный сыновний долг теперь обратился против меня, и я совершила тяжкий грех: призвала темные силы для отмщения. Но кто же толкает женщин на такие поступки, кто делает их жестокими, холодными, властными, требовательными?

И тут на Искорку нашло озарение, ее лучики затрепетали.

– Конечно это она! Странно, что я это вспомнила только сейчас. Теперь понятно, кому я обязана путешествием на Землю.

Властительницу Тьмы и правда звали Аморфо, но изначально у нее было другое имя. Говорили, что первой женой Адама, сотворенной из глины, была Лилит. С первых же дней они начали спорить, кто из них главный. В поисках власти Лилит покинула Рай и обратила свои силы против потомков Адама. Не сумев управлять мужчинами, она воспользовалась другим способом, известным со времен Змея.

– Да-а-а, Аморфо долго не думала, как продемонстрировать Создателю приобретенное могущество, – Искорка с сожалением сжала лучики.

Четыре истории рассказали ей о том, как женщины стремились покорять мир, забыв, что, прежде всего, весь мир сокрыт в них самих. Лилит убеждала женщин не думать о простых истинах, чтобы они теряли свой путь. Эта ноша передавалась из поколения в поколение, поэтому отдаленные потомки уже не знали, в чем причина одиночества, нелюбви себя и близких или добровольного ухода из жизни. Так все несли груз прошлого, пока кто-то из потомков не находил причину проблем и способ ее исправить. Но чаще забытые истории так и оставались нераскрытыми.

Искорка вздохнула:

– Лилит искушает женщин, и у нее это хорошо получается. Ну а мне что теперь делать? В последний раз я призвала темные силы и обрушила их на невинных людей. Это нужно исправить, как бы ни было тяжело.

Она еще какое-то время размышляла, после чего приняла решение. Вдруг на стене появилась красная кнопка с надписью: «Вызов». Искорка лучиком дотронулась до нее и оказалась в тронном зале. Как и в первый раз, Создатель тепло обратился к ней:

– Знаю, эти путешествия опечалили тебя. Хочешь что-нибудь сказать?

Искорка несмело вздохнула, на ее лучиках отразилась радуга сложных чувств и эмоций.

– Если это возможно, я хотела бы попытаться все исправить.

– Чтобы исправить ошибки и не допустить страданий многих людей, необходимо родиться как можно ближе к последнему воплощению, но по-человечески придется нелегко. Ты должна ознакомиться с тем, что тебя ждет.

Перед Искоркой раскрылось звуковое письмо, настроенное на нее, и механический голос изрек: «Дочь без родителей, жена без мужа, мать без ребенка, дерево без корней, родина без земли, слезы без глаз».

Искорка растерялась: у нее нет столько сил, чтобы справиться со всем этим. Но нужно было принять окончательное решение.

– Я согласна, – твердо сказала она.

В письме что-то зашуршало и из его глубины раздалось нечетко: «Двадцать пять вареных яиц». Искорка не поняла, что это значит, но была так расстроена, что не стала уточнять, и повторила:

– Я согласна.

– Это твой выбор. Живи и знай, что даже в самый тяжкий час я не оставляю своих чад.

– А когда будет самый тяжкий час?

– Слушай своего ангела-хранителя, он всегда будет рядом. Твой путь начинается.

«Начинается?» – озадачилась было Искорка, но тут ее накрыл золотистый туман, и она растаяла.

Глава 6. Родовая сила

Комната с белоснежными стенами пустовала, лишь ряды стульев и небольшая прямоугольная тумбочка составляли ее интерьер. Синяя краска на тумбочке местами облупилась, поверх столешницы лежала вязаная салфетка. Дверца тумбочки была приоткрыта, из ее глубины доносились голоса.

– Вы слышали? Ее отправили.

– Да, она согласилась.

– Вот повезло-то.

– Тише ты! Еще вопрос, повезло или нет.

– Думаешь, не справится?

– Да кто ее знает.

– А как же мы? Кто тогда нам поможет?

Неожиданно ниоткуда появившийся в комнате вихрь закружил вокруг тумбочки, раскрыл дверцу, и на пол посыпались фотографии. Даже странно, как они могли все там поместиться, их ворох заполнил всю комнату огромной кучей. Среди снимков были и черно-белые карточки, и цветные. Некоторые снимки могли сильно озадачить, поскольку на них были изображены люди, умершие задолго до изобретения фотографии. Среди всех попадались странные пустые белые фотографии, остальные тоже вызывали вопросы. На одном снимке изображение пожилой женщины портило черное пятно, на другом – рядом с мужчиной в военной форме бледнел силуэт ребенка, неподалеку лежал снимок мужчины с силуэтами двух детей. Фотографии

вывалились на пол в полном беспорядке, многие с оторванными краями, некоторые сильно помятые, почти выцветшие.

Силуэты людей с фотографий заняли стулья, только несколько остались пустыми, одиноко стоял и стул на возвышении. Комната наполнилась громким шепотом.

– А почему она? – спросили с одного конца. – Кто это вообще?

– Ну, помнишь, тот затертый снимок у стенки? Там еще ничего не было видно, кроме белого пятна с точкой, – ответили с другого конца.

– Что-то не припомню. Так почему ее выбрали?

Раздался голос из середины:

– Говорят, она где-то засветилась, привлекла внимание.

Первый не унимался:

– Чем она заслужила такую честь? Для такой важной миссии у нас есть более достойные кандидатуры!

Второй примирительно сказал:

– Так эти достойные кандидатуры до сих пор лежат тут и пылятся. А она молодец, на такое решиться.

Третий авторитетно заметил:

– Говорят, что ее никто особо и не спрашивал. Более того, поговаривают, что тут не обошлось без темных сил. Да-да, это не слухи.

Кто-то поинтересовался:

– Долго нам быть в этой тумбочке?

Ему с сожалением ответили:

– Мы здесь очень давно, и, наверное, останемся навсегда.

– Но почему?

– Когда-то мы могли многое, но сейчас... Посмотри на нас – жалкие останки. Все, что мы смогли, это остаться на этих снимках. Что толку, что все мы одна семья. Если у нее ничего не получится, мы просто истлеем. Мы сами это допустили – поставили страсть выше любви.

– Да что в ней такого, почему ее выбрали?

– Спроси это у тех, кто направил ее все исправлять.

Из середины кто-то подал голос:

– Вообще нелогично, что выбрали ее – ту, у которой даже своего места нет. Да откуда у нее возьмутся силы на перемены! А это наш последний шанс, мы не можем так рисковать!

Усталый голос произнес:

– Вы не понимаете, о чем говорите, лучше помолчите. Такая ноша, как в нашем роду, не по силам простому потомку.

В середине не унимались:

– Да? А где тогда ее стул?

Какой-то голос перевел разговор:

– Что за пустые снимки у нас лежат? Это тоже наши?

Ему ответили:

– Да, она должна их открыть, в этом-то вся проблема.

– А кто они?

Кто-то строгий цыкнул, и все замолчали.

Порыв ветра закинул кучу фотографий обратно в тумбочку и со стуком захлопнул дверцу, в комнате остались только пустые стулья.

Глава 7. Затянутый узел

Леонид стоял под окнами двухэтажного деревянного барака, к стене которого была прибита незатейливая табличка с надписью: «Родильный дом». Мужчина безуспешно заглядывал в окна, пытаясь найти жену, потом отправился в регистратуру и спросил в окошке, можно ли передать роженице продукты и записку. Медсестра кивнула, и он отошел к столу, чтобы собрать передачу.

Найдя в кармане чистый листок бумаги, он пристроился на шатком стуле, взял карандаш и написал: «Катя, я принес тебе кефир и творог. Сейчас передам. Как у тебя дела?». Затем сложил записку в пакет с продуктами, отдал медсестре и стал ждать ответ. Скоро ему принесли пакет, в нем лежали вещи для стирки и новая записка: «У нас два часа назад родилась дочка, похожа на твою маму. Как назовем? Подготовься к выписке, а то мы из окна наблюдали, как муж забирал жену, так у нее из рукава пальто колготки тянулись». Листок запрыгал в руке мужчины. Он положил его на стол, дописал внизу: «Катя, я тебя поздравляю, дочь назовем Светлана. Я буду ее очень любить. Вещи подготовлю» и понес записку к окошку для передач.

Пожелтевшие листочки с перепиской родителей лежали в блокноте уже два десятилетия. Сначала их хранила Екатерина, а потом сама Светлана. Бывали минуты, когда она перечитывала их, и на душе становилось тепло. Светлана была неглупой от природы приятной девушкой со светлыми волосами и серьезными глазами. Она никогда не задумывалась о том, тяжелой или легкой была ее жизнь, поэтому спокойно принимала перемены и жила в новых обстоятельствах. Однако некоторые события она все-таки пыталась объяснить и изменить, вступая в заранее проигрышный спор.

Таким камнем преткновения было ее одиночество. Несмотря на широкий круг знакомых и друзей, она всегда оставалась без пары. В школе и университете за ней пытались ухаживать молодые люди, но отношения не складывались: ей всегда нравились те, кому не нравилась она, и наоборот. И ничто не могло изменить ситуацию: ни чувство юмора, ни добрая душа. А случай, произошедший вскоре после окончания учебы в университете, окончательно закрыл двери к ее сердцу.

В то время Светлана пыталась найти работу по специальности, но наступили тяжелые времена, и исполнить задуманное было нелегко. Старинный знакомый ее отца предложил помочь с трудоустройством. Девушка даже не подозревала, как круто повернется ее жизнь после разговора с ним. Светлана сидела в салоне автомобиля и, не перебивая, слушала друга отца.

– Я хочу, чтобы ты меня поняла. Сейчас в нашем городе сложно найти место для вчерашнего студента. Я обзвонил своих знакомых, мы вместе думали, что предпринять. Потом они меня спросили: «А кто она тебе? Дочь, племянница, родственница? Чего ты так за нее впрягаешься?». Я задумался: а ведь они правы. Предлагаю такой вариант. Я найду тебе отличную работу с приличным заработком и сниму квартиру, чтобы ты переехала от родителей. Встречаться будем два раза в неделю, скажем... по вторникам и четвергам. Других мужчин у тебя быть не должно. Имей в виду, что если ты откажешься от моего предложения или расскажешь отцу об этом разговоре, то нормально жить и работать в этом городе не сможешь.

Девушка спокойно дослушала мужчину, которого знала с детства, открыла дверь и молча вышла из машины.

– Так какой ответ? – услышала она за спиной.

– Извините, мне Ваш вариант не подходит, – сказала она, захлопнула дверь и пошла по улице под дождем, не замечая луж.

Вспоминая разговор, Светлана не могла сказать, что обиделась на этого мужчину или разозлилась. Просто она очень надеялась на него, а теперь было ощущение, что выбили почву из-под ног. После этой истории все повисло в неизвестности, и Светлана решилась на ответственный шаг. Она написала письмо родственнице, жившей за тысячу километров в мегаполисе, рассказала о себе и спросила, могут ли ее принять на первое время. Пока письмо ходило до адресата, никакого настроения не было и девушку охватила хандра. Она уже не могла держать в себе произошедшее, поэтому поделилась с тетей, та рассказала матери Светланы, а потом узнал и отец. Он сказал только одну фразу:

– Мой друг – кристально чистый человек, тебе просто показалось.

– Папа, как же показалось, если он хотел сделать меня своей любовницей и навещать по вторникам и четвергам!

– Я ничего не хочу слышать об этом, – такой был ответ.

После этого разговора в отношения отца и дочери пришло отчуждение, хотя, в общем-то, они и раньше не были близки. Сейчас Светлана совсем не понимала отца, который предпочел разочароваться в ней, чем усомниться в лучшем друге. Ей было невдомек, что отец так внутренне защищался, потому что принять такую правду было сложно, а сложностей Леонид не любил.

Родственница довольно быстро получила письмо, была огорчена случившимся и согласилась помочь. Сборы не заняли много времени, и уже в середине осени родители проводили своего единственного ребенка во взрослую жизнь. На перроне мать плакала, отец поддерживал ее, а Светлана смотрела на родителей через окно вагона и видела свинцовое небо над крышей вокзала.

Новый город ошеломил гостью множеством машин, высотных домов, огромных ярких вывесок и толпами людей, спешивших в разных

направлениях. Светлане все было в диковинку, ведь она выросла в маленьком городке, строительство в котором не велось последние пятнадцать лет и который сейчас медленно умирал вместе с единственным предприятием.

Теперь в начале XXI века молодой девушке предстояло найти свое место в этом муравейнике. Подыскать работу и жилье без рекомендаций оказалось не так просто, поэтому приходилось покупать газеты и читать объявления. Пару раз случались казусы: девушке назначали собеседование вечером на перекрестке или сообщали о дополнительных обязанностях, суть которых несложно было уловить. В первый год жизни в мегаполисе после всех смешных (и не очень) историй Светлане пришлось работать секретарем в микрофирме без трудовой книжки и снимать жилье с хозяйкой. Ее даже познакомили с перспективным молодым человеком, но эти отношения умерли, не начавшись: он счел ее смешной, а она его – маменькиным сынком.

Жить приходилось в маленькой комнате, в которую вела узкая свободная дорожка, все остальное пространство квартиры было заставлено разными вещами: шкафы, швейная и стиральная машинки, вешалки, пакеты с вещами, столы, стулья, телевизоры и еще куча всего, на что девушка старалась не смотреть. Кроме того, в ванне иногда купались бутылки, которые потом сдавала хозяйка квартиры. Чтобы хоть как-то отвлечься от одиночества и бытовых «прелестей», она нашла себе подработку на пару часов. Правда, теперь приходилось возвращаться домой в полночь и рано утром снова бежать на остановку. Свободного времени не стало, да и тратить его, собственно, было не на кого: все друзья и знакомые теперь были далеко. Светлана не роптала, потому что решение было принято и возврат был для нее неприемлем.

В один из редких выходных дней девушка увидела в киоске газету с объявлениями о знакомстве.

– О, что тут у нас? – Светлана оживилась и купила экземпляр. – Это должно быть интересно.

На главной странице красовалось объявление о конкурсе на лучший стих про любовь. В качестве приза обещали ужин в ресторане с освещением романтической истории на местном ТВ-канале, как это было в прошлом году.

– Про телевидение я не знаю, а вот стихи – моя тема, надо отослать несколько в редакцию, – решила она.

Дома после поиска своих опусов девушка начала изучать колонки с объявлениями и одно привлекло ее, она решила ответить. На следующее утро конверт был отправлен в редакцию, а Светлана стала ждать нового выпуска газеты.

Через пару дней на третьей странице «Вета» получила ответ от «Рыцаря», и у них завязалась переписка. Правда, редакция ограничивала сообщения тремя строчками, но разве это помеха для творческих людей. Через четыре выпуска Рыцарь пригласил Вету после работы на встречу, но почему-то на нее не приехал. Светлана постояла минут десять на остановке и, пожалев плечами, поехала домой. Потом последовали извинения, обмен телефонами и предложение о следующей встрече, но Светлана уже не торопилась.

Вскорости ей позвонили из редакции: после долгих обсуждений первое место было присуждено ей и еще одному победителю. В этот же день Рыцарь позвонил Светлане на рабочий телефон и начал издали:

– Привет, у меня есть новость.

– Что за новость?

– Мне звонили из редакции.

– Так, и что сказали? – Светлане стало смешно.

– Что я выиграл конкурс и могу пригласить вторую половину в ресторан. Вот думаю, кого пригласить.

– Да ты что, сложный выбор! Мне тоже позвонили из редакции.

– И-и-и?

– Сказали, что я тоже выиграла конкурс и могу взять в ресторан вторую половину. Вот думаю, кого пригласить.

В трубке поселилось молчание.

– Алло, Роберт?

– Да-да, Света.

– Ну и что будем делать? Может, пойдем вдвоем?

– Ну пошли.

В солнечный субботний день Светлана надела лавандовый брючный костюм с выпускного, накрутила светлые длинные локоны, подкрасилась и прибыла в ресторан. На веранде за сервированным столом уже находился представитель газеты – молодой человек в белоснежной улыбке и начищенных туфлях.

– Добрый вечер, я Светлана.

– Очень приятно, Светлана. Меня зовут Дмитрий, присаживайтесь.

Официант отодвинул ей стул.

– Дмитрий, а где второй победитель? – поинтересовалась девушка.

– Не знаю, – отозвался молодой человек. – Я думал, вы вместе подъедете.

– Нет, мы лично не знакомы, просто общались через газету и по телефону.

– Понятно. Расскажите о себе. Чем занимается наша обаятельная победительница?

Официант разлил сок по бокалам, завязалась беседа. Светлана с облегчением увидела, что камеры нет, и начала свободно общаться. В тот момент, когда гостям принесли шашлык, на веранде появился еще один посетитель: мужчина на вид за сорок, в грязной мятой рубашке, застегнутой на разные пуговицы, и с красочным синяком под глазом. Дмитрий с вопросом посмотрел на незнакомца.

– Здравствуйте, я – победитель! – торжественно произнес вошедший.

– Вы Роберт? – на всякий случай уточнил Дмитрий.

– Это я, – подтвердил мужчина, шумно садясь за стол и пододвигая к себе тарелку с шашлыком.

– Роберт, у Вас все в порядке? – Дмитрий поинтересовался состоянием физиономии гостя.

– Да, нормально, – мужчина небрежно махнул рукой.

Персонал, посетители ресторана и представители газеты с интересом разглядывали их столик. После небольшой заминки у Дмитрия включились профессиональные качества.

– Как прекрасно, что мы здесь собрались! Позвольте поздравить с победой в этом замечательном творческом конкурсе! В этом году мы решили отказаться от ТВ-формата и подарить вам вечер в атмосфере летней романтики.

Светлана опустила глаза и еле сдержалась, чтобы не засмеяться: «Ну-ну, камера была бы в тему, особенно крупным планом наши лица».

Роберт молча продолжал поглощать блюдо. Дмитрий еще какое-то время поддержал беседу, а потом начал вставать со словами:

– Ну, не будем мешать нашим победителям и дадим им возможность получше узнать друг друга!

Ему пришлось тут же вернуться на стул, потому что Светлана наступила ему на ногу и бросила красноречивый взгляд. Дмитрий тут же нашелся:

– О, вы такая классная компания! Давайте еще пообщаемся.

По истечении десяти минут Роберт продолжал кушать и шумно запивать соком. Светлана с Дмитрием переглянулись и одновременно встали со стульев.

– Роберт, приятно было пообщаться, – попрощался Дмитрий.

Ему в ответ кивнули, шумно икнув. Светлана подумала: «Ну хоть наелся». Она не стала врать, что ей было приятно, поэтому просто сказала:

– Всего хорошего.

В ответ Роберт что-то пробормотал, вытирая рот салфеткой.

На этом месте мы вынуждены прерваться для соблюдения авторских прав.

Если книга заинтересовала, Вы можете приобрести ее в магазине издательства Ридеро https://ridero.ru/books/poka_ne_ispolnitsya_vse/freeText.

Там же в чате можно оставить свои комментарии, если Вы сталкивались с тем, что описано в этой книге, или хотите поделиться своими мыслями.

Книга доступна также в магазинах Amazon, AliExpress, ЛитРес, Ozon.